

**Александр
Пыжиков**

Неожиданный
Владимир Стасов

Нельзя сказать, что имя Владимира Васильевича Стасова пребывает в забвении. Каждый посетитель Российской национальной библиотеки в Петербурге на Невском проспекте проходит мимо его мемориальной доски недалеко от входа в читальные залы. Научно-просветительская цитадель дореволюционной России в течение ровно полувека оставалась местом службы Стасова, имя которого олицетворяет национальную школу в искусстве. Целая плеяда художников и композиторов, составляющих гордость России, вдохновлялась его идеями, воплощая их в своем творчестве. Среди них — Василий Верещагин, Илья Репин, Модест Мусоргский, Александр Бородин, Николай Римский-Корсаков и многие другие. Музыкальная и художественная критика Стасова широко известна и оценена по достоинству.

Однако искусствоведческая проблематика — это лишь внешний контур основных занятий Владимира Васильевича. Сердцевиной же его работы являлась жизнь народа, всплеском интереса к которой сопровождался демонтаж крепостничества 1861 года; пожалуй, впервые низы превратилась в популярный объект широкого изучения. Вот в этом-то «открытии» доселе неизвестной России особое место занимает Стасов — подлинный кумир тех, «кто веровал в творчество, исходящее не только из рук человека, одетого во фрак со звездой, но и из рук людей, весь век проходивших в бедной рубаше или сарафане»¹. Он буквально не уставал воспевать все народное: самобытный орнамент, красивый рисунок, оригинальную песню². Как патриот, «обожавший свою родину», отвергал модные подражания чужестранным образцам, так увлекавшим представителей элит³.

Однако сегодня его вклад в изучение народной жизни своего рода terra incognita. Хотя во второй половине XIX века проводимые им поиски русского идеала буквально взорвали ин-

¹ Стасов В.В. На выставках в Москве // Стасов В.В. Избранные сочинения. Т. 2. М., 52. С. 125.

² Линева Е. Мысли Стасова о народности в музыке // Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Сборник воспоминаний. СПб., 1910. С. 53.

³ Толстой И.И. Цельная личность // Там же. С. 19.

теллектуальную жизнь. Новизна идей не только будила мысль, но и вводила в ступор официальные и славянофильские круги, размахивавшие знаменами «православия, самодержавия, народности». В противовес санкционированной доктрине он нащупывал тот остов, на котором выросла настоящая Россия, а не ее правящая прослойка. Твердо указывал на черты народной культуры и искусства, представлявшие собой не что-то наносное, невыветренное, а сердцевину коренного бытия. «Искание восточного влияния в русском быте, костюмах, вооружении и обычаях явилось для Стасова своего рода манией, которая дала ряд прекрасных трактатов, заметок, статей и рецензий» — так характеризовал его жизнь известный дореволюционный ученый Никодим Кондаков¹. Как метко замечено, Стасов обладал «несомненным чутьем ко всему восточному; являлся своего рода реактивом на восточный элемент»². Причем под «восточным» подразумевались не мусульманские влияния, как могло кому-то показаться, а гораздо более глубокие цивилизационные пласты — общие для неевропейских народов, традиционно именуемых азиатскими. Какой-то медвежьей зоркостью и потрясающей наблюдательностью, признаваемой даже недругами, он сумел разглядеть немало ускользавшего от взора других.

Приходится сожалеть, что об этой части стасовского наследия сегодня практически ничего не известно. Даже зачинатели евразийства начала XX века проигнорировали его наработки, имевшие в свое время не меньшую популярность, чем труды Петра Савицкого, Николая Трубецкого, Георгия Вернадского, Петра Сувчинского. То же относится и к Николаю Гумилеву, пренебрегшему тем, отчего он выглядел бы гораздо убедительнее. Что касается современных работ по евразийской проблематике, то Стасов отсутствует и там. Родословная евразийства ныне прочно увязывается с Алексеем Хомяковым, Иваном Киреевским, Николаем Данилевским, Константином Леонтьевым,

¹ Кондаков Н.П. Стасов В.В. (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. 1907. № 1. С. 67.

² Тимофеев Г. Владимир Васильевич Стасов. Очерк жизни его и деятельности // Вестник Европы. 1908. № 5. С. 75.

чей консерватизм старательно рекламируется. К ним встраивают и евразийство, воспринимая его в качестве некоего «реформированного славянофильства»¹. Усилия по-прежнему концентрируются на поиске общего между почвенниками в аксаковском духе и приверженцами евразийства. Причем круг предшественников последнего продолжает расширяться за счет персон конца XIX — начала XX столетия. Заговорили о князе Эспере Ухтомском, журналисте Сергее Сыромятникове; туда же все чаще относят и вездесущего министра финансов Сергея Витте².

Возникает вопрос: почему евразийским исканиям не понадобился Владимир Стасов? Ведь в энциклопедичности — если угодно, в научной яркости — он, мягко говоря, не уступал всем вышеперечисленным деятелям. Ответ, на наш взгляд, в том, что его трактовки русского трудно вписать в привычные ура-патриотические модификации без коренной ломки последних. Консерваторы зримо ощущали в идеях Стасова вызовы, подрывавшие церковный иммунитет, что воспринималось гораздо тревожнее либерально-западнических изысков. А потому наиболее осмотнительным выглядело забвение, если не всего, то наиболее неудобной части стасовского наследия. Что и произошло в советский период, когда со второй половины 1930-х остатки дореволюционной школы оказались у руля исторической науки. С этой поры Стасов превращается исключительно в художественного и музыкального критика — правда, выдающегося, чей вклад в становление национального искусства бесценен. В советские годы о восточных новациях Стасова прозвучало в биографическом очерке, подготовленном его племянницей Варварой (вышел под псевдонимом В. Каренин) в конце 1920-х, что называется, по свежей памяти³. Но этим все и ограничилось: в течение долгих десятилетий, вплоть до нашего времени, имя

¹ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 146.

² Репников А.В., Макаров А.В. Как возникло евразийство // Россия XXI век. 2008. № 4. С. 99–125; Репников А.В., Соловьев К.А. Общественный человек «сигма»: «прогрессивный националист» Сергей Сыромятников // Родина. 2011. № 10. С. 115–120; Ильин С.В. Сергей Витте. М., 2006. С. 214–220.

³ Каренин В. Владимир Стасов: очерк его жизни и деятельности. Ч. I–II. Л., 1927.

Стасова никак не связывалось с восточной проблематикой. Данного аспекта за все это время коснулось буквально несколько небольших и незаметных статей¹. Редкие ссылки на его этнографические работы иногда можно встретить в трудах разного «калибра»². Да еще в одном очерке по отечественной археологии вскользь упомянуто о вкладе Стасова в изучение русских древностей³. Очевидно, настала пора поднять из небытия богатейший научно-культурный пласт, предъявив его широкой аудитории.

I

Владимир Васильевич Стасов родился 2 января 1824 году на Васильевском острове в семье известного петербургского архитектора первой половины XIX столетия. На судьбу его отца во многом повлияла одна из наиболее просвещенных женщин той эпохи — княгиня Екатерина Дашкова, возглавлявшая в конце XVIII века сразу два творческих учреждения Российской империи — Академию наук и Академию художеств⁴. На излете своей жизни она помогла подающему надежды архитектору устроить поездку за границу, развить навыки и за-

¹ Динцес Л.А. Восточные мотивы в народном искусстве Новгородского края // Советская этнография. 1946. № 3. С. 93-98; Дашевский Ю.С. В.В. Стасов об искусстве Средней Азии // Советская этнография. 1951. № 4. С. 137-142; Кузнецова Н.А. О малоизвестной стороне деятельности В.В. Стасова (из истории русского востоковедения) // Народы Азии и Африки сегодня. 1968. № 1. С. 77-90.

² Динцес Л.А. Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. Т. 2. М. — Л., 1951. С. 465-494; Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. С. 412-415; Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 8-9; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 2016. С. 496, 508, 512; Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. С. 19-25; Дмитриев С. Стасов В.В. и этнографические музеи Санкт-Петербурга конца XIX — начала XX века // Антропологический форум. 2016. № 17. С. 230-249.

³ Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 9.

⁴ О ее жизни см.: Воронцов-Дашков А. Екатерина Дашкова. М., 2015.

вершить образование. С 1802 по 1806 год Василий Стасов стажировался в Италии, вернувшись оттуда сформировавшимся мастером. До конца дней он с большим пиететом относился к Дашковой, что впоследствии передалось и детям¹. По возвращении из-за рубежа востребованность Стасова-отца налицо: по его проектам возводится Гостиный двор в Костроме, дворец в Вильно, ряд столичных соборов². Большую известность и признание принесла реконструкция Царскосельского дворца, в 1820 году пострадавшего от пожара³. В царствование Николая I у зодчего завязываются контакты с президентом Академии художеств Алексеем Олениным⁴. Будучи родственником Дашковой, тот всегда привечал бережно хранящих о ней память⁵. У Оленина, которого за пристрастия к Античности называли «русским Винкельманом»⁶, собирался цвет петербургского общества: обсуждать культурные тренды, художественные пристрастия. Когда под патронатом Николая I на щит был поднят концепт «православие, самодержавие, народность», внимание переключилось на национальные мотивы. Поощряемая сверху мода не миновала и Василия Стасова. От европейского классицизма он обращается к отечественной истории, черпая там вдохновение для своих работ. Лучшее всего это выразилось при строительстве новой Десятинной церкви в Киеве, которая по замыслу властей должна была воплотить русские черты, стилизованные под византийские. Другим

¹ Стасов призывал подробно исследовать деятельность Дашковой. См.: Письмо В.В. Стасова к А.Н. Пыпину. 10 октября 1869 года // Из переписки деятелей Академии наук. Л., 1925. С. 103.

² Салита Е.Г., Суворова Е.И. Стасов в Петербурге. Л., 1971. С. 7–8.

³ Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 10.

⁴ Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. Л., 1983. С. 208–209.

⁵ Славина Т.А. Исследователи русского зодчества. Л., 1983. С. 39.

⁶ Винкельман И.И. (1717–1768) — один из видных основоположников искусствознания, почитатель Античности, которого называли «Колумбом», открывшим искусство Древней Греции и Древнего Рима. См.: Винкельман И.И. История искусства древности. Малые сочинения. СПб., 2000.

проектом в том же духе стало возведение в 1833 году каменных бань, созданных по обнаруженным останкам X века¹.

Увлечения и круг общения отца повлияли на детей, рано оказавшихся в качественной культурной среде. Они получали домашнее образование, отличавшееся разносторонностью. Надеждой семьи считался сын Владимир, которого готовили идти по стопам родителя. С раннего детства он умело вычерчивал ионические и дорические колонны, античные скульптуры, церковные купола, намереваясь поступать в Академию художеств. Казалось, ничто не могло помешать родительским планам. Но последние так же изменчивы, как и сама жизнь, покрытая печатью непредсказуемости. В 1835 году в столице открывается элитное учебное заведение — Училище правоведения, призванное пополнять чиновничьи ряды. Его устроитель — принц Петр Ольденбургский — специально приобрел для него здание у Летнего сада на углу с Сергиевской. Пригласил войти в совет Училища статусных персон, в том числе архитектора Василия Стасова, с коим состоял в дружбе. Взяв на себя почетную обязанность, тот посчитал правильным, если его собственный сын станет воспитанником того учебного заведения, чьей широкой рекламе содействует отец. Ничто не могло быть дальше от мыслей юного Владимира, чем карьера чиновника, законника, но он покорно принял выбор главы семьи.

Проведенные в Училище правоведения годы нельзя назвать потерянными. Помимо великолепной базовой подготовки, оно славилось насыщенной культурной жизнью. Там Стасов пережил увлечение поэтом Александром Пушкиным, композитором Михаилом Глинкой и музыкантом Ференцем Листом. В ученические годы определились отношения с РПЦ, чему в немалой степени способствовал один эпизод. Преподававший Закон Божий священник задал тему «Почему тело Христова называется церковью?», но, выслушав ответы, разнес их в пух и прах. Тогда юный Стасов, воспользовавшись пребыванием в Петербурге Московского митрополита Филарета (Дроздова), решил попросить того разъяснить этот вопрос.

¹ *Борисова Е.А.* Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. С. 95–96.

Именитый архиерей согласился, поскольку водил знакомство с семьей Стасовых. Каково же было удивление молодого Владимира, когда он озвучил сказанное митрополитом (без упоминания имени знаменитого архиерея) и вновь был раскритикован за тупоумие¹.

Вступление на чиновничье поприще произошло в 1844 году в Сенате, продолжилось в Министерстве юстиции. Служба скрашивалась занятиями, далекими от юриспруденции: первыми заметками в газетах и журналах, женитьбой на Елизавете Сербинной, рождением в 1850 году дочери Софьи. После чего в судьбе молодого чиновника происходит достаточно крутой вираж: неожиданно он выходит в отставку и выезжает за рубеж в качестве секретаря князя Анатолия Демидова Сан-Дonato — потомка знатного рода, едва изъяснявшегося по-русски. Утонченный аристократ побывал мужем кухни Наполеона III, за что испытал гнев Николая I, и отметился в громких культурных прожектах. Но, пожалуй, единственное, к чему он никогда не остывал, — это страсть к коллекционированию. В разъездах по западным странам ему удалось собрать богатую коллекцию, требовавшую немало хлопот. Стасов принимает обязанности привести ее в порядок наряду с новыми приобретениями. 1851–1854 годы проходят в европейском культурном мире, в очном знакомстве с вековыми достижениями. Много лет спустя, в письме к дочери Владимир Васильевич подчеркивал: «Если бы я 47 лет назад не решил бы в один прекрасный день на необычное сальто-мортале и не улетел бы каким-то чудом за границу», то жизнь моя сложилась бы совсем иначе. Но «она вся пошла по новой, неожиданной полосе... только вследствие моего смелого, неожиданного для меня самого шага»². Результаты этого шага — длиной в четыре года — действительно трудно переоценить: отныне Стасов навсегда связывает свою судьбу со служением науке и искусству.

После возвращения на родину его основное время поглощают посещения Императорской публичной библиотеки — круп-

¹ Тимофеев Г. Владимир Васильевич Стасов. Очерк жизни его и деятельности // Вестник Европы. 1908. № 2. С. 458–459.

² Письмо В.В. Стасова к С.В. Фортунато. 21 декабря 1898 года // Стасов В.В. Письма к родным. Т. 3. Ч. I. М., 1962. С. 274.

нейшего научно-просветительского центра России. Таковой она стала совсем недавно, пока Стасов находился в европейском вояже. Возглавивший ее в 1850 году барон Модест Корф («золотое перо» известного Михаила Сперанского¹) сумел вдохнуть в этот «пустынный и скучный сарай» настоящую жизнь². Как вспоминал Стасов, «толпы народу ходили много лет по Невскому проспекту, кажется, видели и здание, и надпись библиотеки и, однако же, почти ни единая душа туда не заходила, пока не нашелся человек, который понял, чего... недостает вопреки всем ее драгоценностям и сокровищам для того, чтобы вдруг сделаться... общественной силой»³. Стасов начинает посещать Императорскую библиотеку почти ежедневно. Эти визиты сблизили активного читателя с персоналом Публички: там оценили его необычайное трудолюбие⁴. В результате Стасова приглашает директор и просит того принять участие в текущих работах. 15 октября 1856 года — дата зачисления в штат, где он будет состоять в течение ровно полувека⁵.

Спектр научных интересов нового сотрудника библиотеки поражал широтой. Стасов аккумулировал массу разнообразных сведений, изучая рукописи, описывая археологические артефакты, всматриваясь в этнографический материал. На первых порах его буквально захватило изучение древнерусских музыкальных книг, залежи которых находились в хранилище. Еще путешествуя по Европе с князем Демидовым Сан-Дonato, Владимир Васильевич знакомился с церковной музыкой, как в католической, так и в протестантской традиции. Теперь его внимание приковывают так называемые крюковые ноты, присущие нашей старообрядческой культуре. Результаты изучения нотного материала излагались в специальной статье «О церковных

¹ *Майков П. М.* Второе отделение Его Императорского Высочества канцелярии. 1826–1882 годы. СПб., 1906. С. 404.

² *Стасов В. В.* Воспоминания гостя библиотеки // *Стасов В. В.* Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1894. С. 1549.

³ Там же. С. 1517.

⁴ *Собольщиков В. И.* Воспоминания старого библиотекаря // Исторический вестник. 1889. № 11. С. 307.

⁵ *Каренин В.* Владимир Стасов: очерк его жизни и деятельности. Ч. I. М., 1927. С. 227.

певцах и церковных хорах древней России до Петра Великого» (1856)¹, где Стасов четко разграничивает дониконовское и греческое церковное пение как имеющие совершенно различную природу. Расхожий взгляд, что наш древний знаменный распев схож с византийским, он решительно отвергает. Их сопоставление указывает только на различия; ни один природный грек не решится признать знаменный распев за свой. Применительно к церковному пению Стасов явственно ощутил переломный рубеж второй половины XVII столетия, когда религиозная реформа, проводимая романовскими властями, не просто меняла внешние формы, но и разрывала с национальными устоями. Его интуиция выявила и немаловажный нюанс: западная тень нависает над древнерусским пением еще ранее — на знаменитых соборах 1550-х годов, включая Стоглавый. Именно тогда латинские изыски начинают потихоньку навязываться нашей богослужебной культуре. И если в ту пору это не увенчалось успехом, то задел можно считать положенным. «Все заблуждения XVII века, приготовлены были заблуждениями и производом века XVI» — таков вывод Стасова².

Его правоту относительно церковных песнопений подтверждают и серьезные иконографические исследования. Они фиксируют аналогичные новшества в написании икон той же серединой XVI века. Как то изображения Бога-Отца или Христа в доспехах, нагого Христа, закрываемого херувимскими крыльями, характерные для римско-католических стандартов³. На штурм богослужебной практики западничество кинется на волне церковного раскола в конце XVII века, а в следующем столетии уже будет безраздельно господствовать в РПЦ. Поэтому резкость стасовских оценок только усиливается: оставаясь по названию русско-православным, церковное пение под надзором иностранных капельмейстеров коренным образом извращается. Они переключают наши старинные песнопения

¹ Стасов В.В. О церковных певцах и церковных хорах древней России до Петра Великого // ОР РНБ. Ф. 738. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–40.

² Там же. Л. 31.

³ Успенский А.А. Богословие иконы православной церкви. М., 1989. С. 251–254.

на партесный (то есть многоголосный) лад, звучавший поначалу в польской, а затем в итальянской интерпретации. Когда со всем этим Стасов обратился к известному в ту пору профессору Дмитрию Разумовскому, то испытал разочарование; официальный муж не приветствовал подобные искания. В особенности не разделял критику церковной музыки XVIII века, утверждая, что приезжие капельмейстеры не коверкали древнерусские мелодии, а только придавали им более выигрышное звучание¹. Выслушав вердикт известного профессора, Стасов поступает довольно оригинально: передает ему весь материал — видимо, для того, чтобы тот сам убедился, кто из них прав. Этот массив Разумовский, оставшись при личном мнении, использовал в своем обобщающем труде, правда, упомянув в предисловии о визитере, в числе других «оказавших ему содействие»².

Научная активность Стасова и без того набирала обороты: он с головой ушел в обработку разнообразного материала, пропадая в хранилищах своей Публички и музеев Эрмитажа. Это даже вызывало недовольство непосредственного начальства. В одном из писем читаем: «вообразите себе, что Корф вздумал теснить меня... он вдруг принялся ловить мое отсутствие, предупреждая, что я ничего не делаю по библиотеке»³. Тогда Стасов даже задумывался о переходе в Петербургский университет: там предполагалось открыть кафедру искусствоведения. Заметим, это была единственная размолвка с директором, вскоре попавшим под обаяние стасовской целеустремленности. Известность его подчиненного в научном мире заметно росла: в начале 1861 года Стасова приглашают в число действительных членов Русского археологического общества и даже доверяют редактировать солидные «Известия» — печатный орган общества. Он внес заметное оживление в это дело, демонстрируя редакторскую компетентность и бескорыстное усердие, что не осталось

¹ *Разумовский Д.В.* Церковное пение в России. Вып. I. М., 1867. С. 226.

² Там же. С. II (предисловие).

Статью о церковных песнопениях Стасов опубликовал только в 1865 году в переработанном виде в «Известиях Археологического общества» под названием «О демественном и троестрочном пении».

³ Письмо В.В. Стасова к М.А. Балакиреву. 29 июня 1861 года // Переписка М.А. Балакирева и В.В. Стасова. Т. 1. М., 1935. С. 117–118.

незамеченным¹. Эти обязанности дали возможность, во-первых, познакомиться с широким кругом, практикующих ученых, а во-вторых, уже в полный голос заявить о себе. На страницах этого, а также смежных научных изданий помещаются стасовские работы, которые привлекают внимание петербургских интеллектуалов. Почти все публикации посвящены разнообразным аспектам прошлого, в особенности народной жизни. Вот лишь некоторые: «Изображение Ильи Муромца, чудотворца Печерского, на гравюре XVII века», «Каменный крест Новгородского Софийского собора», «Лубочные картинки: Баба-яга и мыши kota погребают», «Коньки на крестьянских крышах», «Голосники в древних новгородских и псковских церквях» и др.

В них оттачивался новаторский стиль Стасова, ставший с годами его фирменным качеством: давать ответы не подобранными цитатами из книг, а собственными рассуждениями, основанными на тщательном изучении материала². В этом смысле показательна статья «Коньки на крестьянских крышах», где указывалось на конские головы, или, как говорили в народе, «коньки», расположенные повсеместно на русских избах. Ранее данные фигуры расценивались как «ничего не стоящие произведения грубого простонародья, которые не имеют ни смысла, ни значения и хранятся поколениями лишь по старой укорененной привычке»³. Стасов же посмотрел на народный обычай не с бытовой, а с религиозной стороны, заключая, что первоначальное значение голов наверху крыш было сугубо сакральным⁴. Также это наводило на мысль, что конь являлся важным атрибутом религиозного сознания русского человека, что требовало глубокого, в том числе и этнографического осмысления, чего ранее никто не предпринимал.

¹ *Веселовский Н.И.* История Императорского Русского археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896 годы. СПб., 1900. С. 37.

² *Новицкий А.П.* Памяти В.В. Стасова. М., 1909. С. 2.

³ *Стасов В.В.* Коньки на крестьянских крышах // Известия Императорского археологического общества. 1861. Т. 3. Вып. 4. С. 258.

⁴ *Котляревский А.А.* Старина и народность за 1861 год // Котляревский А.А. Сочинения. Т. 1. СПб., 1889. С. 618.

Интересны трактовки лубочных картинок, «циркулировавших» в низах. Совместно с собирателем Дмитрием Ровенским (1824–1895) Стасову удалось постичь смысл ряда популярных изображений; он с теплотой вспоминал об их совместных обсуждениях, спорах, открытиях¹. Характерный пример — картинка «Как мыши кота погребали», которая имела не развлекательный характер, как считалось, а большую смысловую нагрузку. Под видом антиподов — кота и мышей — образно представлено противостояние Петра I и народа. Изображенные похороны не сильно печалат мышей с поминальными блинами, распеваящих песни. Тело везли на санях восемь лошадей, а надпись на картинке гласила: погребение происходит в «серый четверг» в «шестоклятое число». И в действительности Петр I скончался в четверг — в ночь с пятого на шестое января 1725 года, гроб следовал в санях запряженных восьмеркой лошадей. Задавленный жестокой ломкой всего и вся, русский народ ассоциировал себя со слабыми мышами, которые изображены черными, кроме одной — белой, курящей табак, чем явно подчеркивались ее единение с котом (также белого цвета) и предательство по отношению к своим². Такие подтексты совершенно естественны, поскольку множество лубочных картинок, наводнявших ярмарки и различные празднества, являлись продуктом раскольнического творчества. Заметим, власти интуитивно чувствовали, что за досужей забавой скрывается некий смысл. Например, когда придворный художник Федор Солнцев перерисовывал эту лубочную картинку для своих аристократических поклонниц, то его пригласили в III отделение — полицию. Удивленному любимцу Николая I заявили: тиражировать карикатуру не следует, хотя точный смысл пояснить затруднились³. Вплоть до 1860-х годов ее происхождение считали немецко-лютеранским или чешским⁴.

¹ Стасов В.В. Воспоминания о Д.А. Ровенском // Стасов В.В. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. Т. 1. М., 1952. С. 182–183.

² Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. 1. СПб., 1881. С. 393–395.

³ Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественные, археологические труды // Русская старина. 1876. № 6. С. 267–268.

⁴ Стасов В.В. Два национально-исторических издания // Собрание сочинений. Т. 2. С. 591.

Постижение народной жизни всегда оставалось затруднительным для правящей прослойки. Многих, бравшихся изучать русское бытие отличала неподготовленность к подобному роду занятиям. В качестве такого образчика Стасов публично разобрал сочинение одного архимандрита, вызвавшегося осветить новгородские церковные древности. Прежде всего смущало непринужденное использование слова «иконостас». Упомянув о пожаре Новгородского Софийского собора 1341 года, тот извещал об устройении нового иконостаса. В итоге читатель, «который не справится с летописью, принужден думать, что в подлиннике действительно употреблено слово «иконостас», между тем, как слова этого в летописи вовсе не стоит, да и не могло стоять: оно вошло у нас в употребление очень поздно, не ранее XVII столетия»¹. Помимо этого, сочинение церковного деятеля грешит различными неточностями, выписки не всегда могут похвастать верностью. Вдобавок архимандрит «позабыл» сослаться на работу одного своего коллеги, откуда почерпнута добрая четверть текста: разница состояла лишь в нескольких измененных словах и оборотах². Но главное — архимандрит умолчал, что в Новгородской Софии все приделы, притворы, окна, кровля, покрытие глав носили явные следы перестройки и переделки. Знаменитый собор напоминал человека, оставшегося «после войны без руки, ноги, уха, с выколотым глазом». Тем не менее священнослужитель прошел мимо этого, проявив себя «ризи́чим, хранителем казны», далеким от научной стороны дела³.

Стасовская разноплановость превращалась в мишень для критических стрел со стороны тех, кто уповал на узкую специализацию. Однако именно широта, даже всеядность его устремлений сослужили добрую службу. Он все больше начинал видеть, насколько русское, коренное бытие с трудом втискивается в рамки существующих доктрин, причем не только западничества, но и славянофильства. Поднятый материал обнаруживал мощ-

¹ Стасов В.В. Разбор сочинения архимандрита Макария «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях // Тридцатое присуждение, учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1861. С. 93–94.

² Там же. С. 97–98, 99.

³ Там же. С. 106.